

Период *Новой экономической политики* (НЭП) был едва ли не самым трудным и опасным для Советского государства. В нашем образовании история этого периода была смягчена и упрощена. Представлялось логичным и всем очевидным прекратить после окончания Гражданской войны режим «военного коммунизма», освободить крестьян от тягот продразвёрстки, чтобы они могли свободно производить и продавать свои продукты потребителям. Наступило мирное время!

Как-то учебники, учителя и преподаватели школьникам и студентам не объяснили, что советская власть в октябре 1917 г. унаследовала катастрофическое состояние жизнеобеспечения городского населения и части сельского (ремесленников) – ещё без Гражданской войны. Более того, не объяснили, почему уже в 1915 г. был нарушен нормальный товарооборот и, несмотря на высокий урожай, «хлеб не пошёл на рынок», а 23 сентября 1916 г. царское правительство объявило продразвёрстку, что и называлось «военным коммунизмом». Объявленная на 1917 г. царским правительством продразвёрстка провалилась из-за распада системы управления. Не объяснили нам, почему Временное правительство, будучи по своей философии буржуазным, также ввело хлебную монополию.

Первый министр земледелия Временного правительства кадет А.И. Шингарёв уже 25 марта 1917 г. подписывает закон о введении хлебной монополии: отныне владельцы продовольствия должны были весь хлеб, за вычетом того, что требуется для собственного потребления и на хозяйственные нужды, передавать в распоряжение государства. В августе 1917 г. Министерство земледелия выпустило инструкцию, которая предписывала применять вооружённую силу к тем, кто

утаивал хлеб¹. Но и Временное правительство не смогло провести продразвёрстку в жизнь из-за беспомощности его аппарата.

Но вот вопрос: почему правительства, царское и Временное, пытались наладить свой «военный коммунизм», а не объявить свой НЭП, чтобы «крестьяне и помещики могли свободно производить и продавать свои продукты потребителям»? Ведь это фундаментальная проблема.

Странно, но мало кто помнит, что при Советской власти за счёт прямого вне рыночного распределения («военного коммунизма») городское население получало всего от 20 до 50% потребляемого продовольствия. Остальное давал чёрный рынок («мешочничество»), на который власти смотрели сквозь пальцы. Угроза голодной смерти (но не угроза голода) в городах и в армии была устранена. Пайками было обеспечено практически всё городское население и часть сельских кустарей (всего 34 млн. человек). Пенсиями и пособиями (в натуре, продовольствием) были обеспечены 9 млн. семей военнослужащих.

Подумаем: что значила продразвёрстка для 34 миллионов человек, получавшие скудные пайки, которые спасали их от угрозы голодной смерти в условиях военного коммунизма? Что значило лишиться этих пайков? НЭП – это свободный рынок. При этом очевидно, что большинство из этих 34 миллионов после прекращения боёв с Врангелем не найдут доходов, чтобы купить на рынке продуктов – страна в руинах, промышленность остановилась, массовая безработица, миллионы беспризорников. Если в 1918 г. рабочие голодали, и военный коммунизм именно поэтому вводился в чрезвычайном темпе, то в 1921 г. положение было гораздо более критическим.

В 5 мая 1918 г. Ленин предупреждал «левых коммунистов», которые уверяли, что «в течение ближайшей весны и лета должно начаться крушение империалистической системы»: «Это смешные потуги узнать то, чего узнать нельзя». И он повторил утверждение, которое он много раз высказал в разных контекстах: «Выражение социалистическая Советская республика означает решимость Советской власти осуществить переход к социализму, а вовсе не признание новых экономических порядков социалистическими» [*Ленин В.И.* О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности. Соч., т. 36, с. 295.]. Иными словами, после окончания войны крестьяне не станут поставлять хлеб бесплатно.

Вопрос в 1921 г. снова был поставлен ребром, без доктринёрства. Во время Гражданской войны крестьяне подчинялись продразвёрстке под страхом «белой» реставрации и потери земли. Эта угроза миновала, и начались вспышки крестьянских мятежей. Промышленное производство катастрофически упало, товаров для государственной торговли не было, крестьяне отказывались поставлять хлеб в города. Началось «отступление» с возрождением буржуазии и новым социальным расслоением. Возник риск конфликта между городом и деревней. Солидарность союза рабочих и крестьян лишилась важных факторов – спланивающих людей бедствий войны и уравнительного разделения тягот.

¹ На словах Временное правительство было даже гораздо более радикальным сторонником мер военного коммунизма, чем впоследствии большевики. Так, министр труда М.И. Скобелев при вступлении в должность заявил: «Мы должны ввести трудовую повинность для гг. акционеров, банкиров и заводчиков, у которых настроение вялое, вследствие того, что нет стимулов, которые раньше побуждали их работать. Мы должны заставить господ акционеров подчиняться государству, и для них должна быть повинность, трудовая повинность» [Чураков Д.О. Русская революция и рабочее самоуправление. М.: Аиро-XX. 1998, с. 106].

Политическое решение о переходе к НЭПу выработывалось по типу *научной программы*. Двум авторитетным экономистам-аграрникам России, Л.Н. Литошенко и А.В. Чаянову, было поручено подготовить два *альтернативных* программных доклада. Литошенко рассмотрел возможности продолжения, в новых условиях, «реформы Столыпина» – создания фермерства с крупными земельными участками и наёмным трудом. Чаянов исходил из развития трудовых крестьянских хозяйств без наёмного труда с их постепенной кооперацией. Доклады обсуждались в июне 1920 г. на комиссии ГОЭЛРО (проброуре планового органа) и в Наркомате земледелия. В основу НЭПа была положена концепция Чаянова. Речь шла именно о *новой* политике, выработанной на новом уровне понимания происходящих в стране процессов и на основе знания, данного Гражданской войной.

Главная идея Чаянова, что крестьянская экономика не является ни капитализмом и не докапиталистическим укладом, восторжествовала. Ленин убедил большинство партии, что в России «смычка с крестьянской экономикой» (главный смысл НЭПа) – фундаментальное условие построения социализма. Иными словами, НЭП был вызван не конъюнктурой, а всем типом России как крестьянской страны.

15 марта 1921 года Ленин на X съезде РКП(б) сделал доклад «О замене развёрстки натуральным налогом», его суть «состоит в отношении рабочего класса к крестьянству». Их союз в Октябре и даже в Гражданской войне был понятен, и их главные интересы совмещались. Теперь требовался новый общественный договор и новая основа для союза. Ленин высказался жёстко: «Мы должны сказать крестьянам: “Хотите вы назад идти, хотите вы реставрировать частную собственность и свободную торговлю целиком, – тогда это значит скатываться под власть помещиков и капиталистов неминуемо и неизбежно... Рассчитывайте и давайте рассчитывать вместе”» [Ленин В.И. Доклад о замене развёрстки натуральным налогом. 15 марта 1921 г. Соч., т. 43, с. 59].

А делегатам съезда он напомнил фундаментальный выбор: «Социалистическая революция в такой стране [России] может иметь окончательный успех лишь при двух условиях. Во-первых, при условии поддержки её своевременно социалистической революцией в одной или нескольких передовых странах. Как вы знаете, для этого условия мы очень много сделали по сравнению с прежним, но далеко не достаточно, чтобы это стало действительностью.

Другое условие, это – соглашение между осуществляющим свою диктатуру или держащим в своих руках государственную власть пролетариатом и большинством крестьянского населения... Нам надо – согласно нашему мирозерцанию, нашему революционному опыту в течение десятилетий, урокам нашей революции – ставить вопросы прямоком: интересы этих двух классов различны, мелкий земледелец не хочет того, чего хочет рабочий.

Мы знаем, что только соглашение с крестьянством может спасти социалистическую революцию в России, пока не наступила революция в других странах...

Как ни трудно наше положение в смысле ресурсов, а задача удовлетворить среднее крестьянство – должна быть разрешена» [Ленин В.И. Доклад о замене развёрстки натуральным налогом. 15 марта 1921 г. Соч., т. 43, с. 58, 59].

21 марта 1921 года ВЦИК издал декрет «О замене продовольственной и сырьевой развёрстки натуральным налогом». Размеры налога были почти в два раза меньше продразвёрстки – 240 млн. пудов зерновых вместо 423 млн. по развёрстке 1920 г., из которых реально было собрано около 300 млн.; ещё

предполагалось получить около 160 млн. пудов через торговлю. Крестьянин мог свободно распоряжаться оставшимся после сдачи налога урожаем. Декрет был опубликован до начала посевных работ, что побуждало крестьян увеличивать посевы.

Отмена чрезвычайных мер сразу была использована буржуазными слоями и кулаками на селе. Обладая материальными средствами, грамотой и навыками организации, они доминировали в Советах и кооперации. Восстановление рынка создало много противоречий, которые ударили по трудящимся. Это создавало основу для острых дискуссий в партии, доходящих до раскола. Развал партии как объединяющего механизма всей политической системы означал бы крах государства.

17 октября 1921 г. Ленин сделал большой доклад на съезде политпросветов, обобщив опыт восьми месяцев. Это был доклад для политработников и пропагандистов, умеренный и подробный. Этот доклад был бы и сегодня полезным как учебный материал. Приведём фрагменты из этого доклада, самые близкие для нашей темы.

Он сказал: «Наша новая экономическая политика, по сути её, в том и состоит, что мы в этом пункте потерпели сильное поражение и стали производить стратегическое отступление: “Пока не разбили нас окончательно, давайте-ка отступим и перестроим всё заново, но прочнее”. Никакого сомнения в том, что мы понесли весьма тяжёлое экономическое поражение на экономическом фронте, у коммунистов быть не может, раз они ставят сознательно вопрос о новой экономической политике. И, конечно, неизбежно, что часть людей здесь впадёт в состояние весьма кислое, почти паническое, а по случаю отступления эти люди начнут предаваться паническому настроению. Это вещь неизбежная. Ведь когда Красная Армия отступала, она начинала победу свою с того, что бежала перед неприятелем, и каждый раз на каждом фронте этот панический период у некоторых людей переживался. Но каждый раз – и на фронте колчаковском, и на фронте деникинском, и на фронте Юденича, и на польском фронте, и на врангелевском – каждый раз оказывалось, что после того, как нас разочек, а иногда и больше, хорошенечко били, мы оправдывали пословицу, что “за одного битого двух небитых дают”. Бывши один раз битыми, мы начинали наступать медленно, систематически и осторожно...

На экономическом фронте, с попыткой перехода к коммунизму, мы к весне 1921 г. потерпели поражение более серьёзное, чем какое бы то ни было поражение, нанесённое нам Колчаком, Деникиным или Пилсудским, поражение, гораздо более серьёзное, гораздо более существенное и опасное. Оно выразилось в том, что наша хозяйственная политика в своих верхах оказалась оторванной от низов и не создала того подъёма производительных сил, который в программе нашей партии признан основной и неотложной задачей... Позиции были приготовлены заранее, но отступление на эти позиции произошло (а во многих местах провинции происходит и сейчас) в весьма достаточном и даже чрезмерном беспорядке...

Уничтожение развёрстки означает для крестьян свободную торговлю сельскохозяйственными излишками, не взятыми налогом, а налог берёт лишь небольшую долю продуктов. Крестьяне составляют гигантскую часть всего населения и всей экономики, и поэтому на почве этой свободной торговли капитализм не может не расти... И вопрос коренной состоит, с точки зрения стратегии, в том, кто скорее воспользуется этим новым положением? Весь вопрос, за кем пойдёт крестьянство – за пролетариатом, стремящимся

построить социалистическое общество, или за капиталистом, который говорит: “Повернём назад, так оно безопаснее, а то ещё какой-то социализм выдумали”.

Совершенно бесспорно, и всем очевидно, что, несмотря на такое громадное бедствие, как голод, улучшение положения населения, за вычетом этого бедствия, наступило именно в связи с изменением нашей экономической политики.

С другой стороны, если будет выигрывать капитализм, будет расти и промышленное производство, а вместе с ним будет расти пролетариат. Капиталисты будут выигрывать от нашей политики и будут создавать промышленный пролетариат, который у нас, благодаря войне и отчаянному разорению и разрухе, деклассирован, т. е. выбит из своей классовой колеи и перестал существовать, как пролетариат. Пролетариатом называется класс, занятый производством материальных ценностей в предприятиях крупной капиталистической промышленности. Поскольку разрушена крупная капиталистическая промышленность, поскольку фабрики и заводы стали, пролетариат исчез. Он иногда формально числился, но он не был связан экономическими корнями.

Если капитализм восстановится, значит восстановится и класс пролетариата, занятого производством материальных ценностей, полезных для общества, занятого в крупных машинных фабриках, а не спекуляцией, не выделыванием зажигалок на продажу и прочей “работой”, не очень-то полезной, но весьма неизбежной в обстановке разрухи нашей промышленности.

Весь вопрос – кто кого опередит? Успеют капиталисты раньше сорганизоваться, – и тогда они коммунистов прогонят, и уж тут никаких разговоров быть не может. Нужно смотреть на эти вещи трезво: кто кого? Или пролетарская государственная власть окажется способной, опираясь на крестьянство, держать господ капиталистов в надлежащей узде, чтобы направлять капитализм по государственному руслу и создать капитализм, подчинённый государству и служащий ему? Нужно ставить этот вопрос трезво» [Ленин В.И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов. Доклад на II Всероссийском съезде политпросветов. 17 октября 1921 г. Соч., т. 44, с. 158-159].

Этот доклад Ленина сильно отличался от выступлений перед руководством партии, в которых он обосновывал программы действий. Здесь он представил картину возможного, даже очень вероятного, разрыва всего процесса революции, катастрофы всего строительства советского строя. Официальная советская пропаганда эту ситуацию обходила, и в массовом сознании этот исторический момент не отложился. Сейчас представляется, что этот провал в историческом знании советского общества стал важным фактором краха СССР – население не имело опыта предвидения подобной ситуации.

Ленин определил главные состояния, которые угрожали развалом советского общества в раннем периоде его становления:

– Единственная возможность производства минимума ресурсов жизнеобеспечения – дать крестьянству свободу хозяйственного уклада и торговлю продукта. В реальных условиях это значило вернуться в «рыночную экономику» и восстановить прежние структуры производственных и распределительных отношений, налаженные до революции с важной компонентой капитализма.

– «На почве этой свободной торговли капитализм не может не расти», и есть риск, что «крестьянство пойдёт за капиталистом». Признак – множество

крестьянских восстаний. Экономических ресурсов, чтобы поддержать крестьянство, нет.

– «Если капитализм восстановится, значит восстановится и класс пролетариата, занятого производством материальных ценностей... Если будет выигрывать капитализм, будет расти и промышленное производство, а вместе с ним будет расти пролетариат». Значит, новое поколение промышленных рабочих, вместо «исчезнувшего пролетариата», на какое-то время будет лояльно к капитализму.

– «Кто кого опередит? Успеют капиталисты раньше организовать, – и тогда они коммунистов прогонят, и уж тут никаких разговоров быть не может».

Кроме того, «отступление к капитализму» возмутило не только «левых коммунистов», но и массу демобилизованных красноармейцев, бывших партизан и бедноты. В ряде регионов возникли локальные гражданские войны («красный бандитизм»). Ленин учитывал все эти факторы и не скрывал, что положение страны очень сложно и неопределённо. Чтобы взять его под контроль, требуется непрерывный анализ сил, ресурсов и динамики системы, а также быстрые решения и действия.

В докладе Ленин продолжал:

«Теперь буржуазия всего мира поддерживает буржуазию России, оставаясь во много раз более сильной, чем мы... И чтобы тут победить – нужно опереться на последний источник сил. Последний источник сил есть масса рабочих и крестьян, их сознательность, их организованность. Либо пролетарская организованная власть – и передовые рабочие и небольшая часть передовых крестьян эту задачу поймут и сумеют организовать народное движение вокруг себя – и тогда мы выйдем победителями.

Либо мы не сумеем это сделать – и тогда неприятель, имеющий больше сил в смысле техники, неминуемо нас побьёт... Войны крестьян с помещиками были в истории не раз, начиная с первых времён рабовладения. Такие войны бывали не раз, но войны государственной власти против буржуазии своей страны и против соединённой буржуазии всех стран – такой войны не бывало никогда... Опыта у народа в таких войнах быть не могло. Мы его должны создавать сами и опираться в этом опыте мы можем только на сознание рабочих и крестьян. Вот в чём девиз и величайшая трудность этой задачи.

Мы не должны рассчитывать на непосредственно коммунистический переход. Надо строить на личной заинтересованности крестьянина. Нам говорят: «Личная заинтересованность крестьянина – это значит восстановление частной собственности». Нет, личная собственность на предметы потребления и на орудия, – она нами не прерывалась по отношению к крестьянам никогда. Мы уничтожили частную собственность на землю, а крестьянин вёл хозяйство без частной собственности на землю, например, на земле арендованной. Эта система существовала в очень многих странах. Тут экономически невозможного ничего нет. Трудность в том, чтобы лично заинтересовать. Нужно заинтересовать также каждого специалиста с тем, чтобы он был заинтересован в развитии производства.

Умели ли мы это делать? Нет, не умели! Мы думали, что по коммунистическому велению будет выполняться производство и распределение в стране с деклассированным пролетариатом. Мы должны будем это изменить потому, что иначе мы не можем познакомить пролетариат с этим переходом. Таких задач в истории ещё никогда не ставилось. Если мы эту задачу пробовали

решить прямым, так сказать, лобовой атакой, то потерпели неудачу. Такие ошибки бывают во всякой войне, и их не считают ошибками. Не удалась лобовая атака, перейдём в обход, будем действовать осадой и сапой» [*Ленин В.И.* Новая экономическая политика и задачи политпросветов. Доклад на II Всероссийском съезде политпросветов. 17 октября 1921 г. Соч., т. 44, с. 163, 165].

Известно, что силы советской системы в то время интеллектуально и организационно были на высоте и за три года вывели общество и хозяйство на траекторию развития. Если сравнить кризисные состояния периода НЭПа и периода «перестройки», то эти два образа дадут очень много ценного знания для российского обществоведения, да и для населения. Конечно, после 1917 г. и Гражданской войны жители России ещё помнили, что такое периферийный капитализм, и соблазнить их было трудно, но и массовое сознание было приспособлено различать добро и зло.

Вернёмся в 1921 год. Первый год НЭПа сопровождался катастрофической засухой (из 38 млн. десятин, засеянных в европейской России, урожай погиб полностью на 14 млн., так что продналога было собрано лишь 150 млн. пудов). Была проведена эвакуация 100 тыс. жителей из поражённых районов в Сибирь, масса людей (около 1,3 млн. человек) шла самостоятельно на Украину и в Сибирь. Крестьян из голодающих губерний освободили от натурального налога, всего этого налога была собрана только половина общего сбора 1920–21 гг. Официальная цифра пострадавших от голода составляла 22 млн. человек. Из-за границы была получена помощь в размере 1,6 млн. пудов зерна (в основном из США) и 780 тыс. пудов другого продовольствия. Сельскохозяйственные работы 1922 г. были объявлены государственным и общепартийным делом.

В марте 1922 г. продналог был сокращён до 10% общего производства. Урожай 1922 г. достиг 75% от уровня 1913 г. – это облегчило ситуацию и было переломным моментом. Был принят закон «о трудовом землепользовании»: одинаково законными были артель, община, владения в виде хуторов, а также комбинации этих форм. Реально «подпольно существовала аренда».

В ноябре 1922 г. на IV конгрессе Коминтерна Ленин сказал: «Крестьянские восстания, которые раньше, до 1921 года, так сказать, представляли общее явление в России, почти совершенно исчезли. Крестьянство довольно своим настоящим положением... [Оно] находится теперь в таком состоянии, что нам не приходится опасаться с его стороны какого-нибудь движения против нас... Крестьянство может быть недоволено той или другой стороной работы нашей власти, и оно может жаловаться на это, ... но какое бы то ни было серьёзное недовольство нами со стороны всего крестьянства, во всяком случае, совершенно исключено. Это достигнуто в течение одного года» [*Ленин В.И.* Пять лет российской революции и перспективы мировой революции. Соч., т. 45, с. 285].

Однако недовольство вызревало в партии. Во многих местах партийные ячейки указывали, что НЭП поощряет кулака за счёт бедных крестьян. Ленин в докладе на X съезде ответил: «Не надо закрывать глаза на то, что замена развёрстки налогом означает, что кулачество из данного строя будет вырастать ещё больше, чем до сих пор. Оно будет вырастать там, где оно раньше вырастать не могло» [*Ленин В.И.* Доклад о замене развёрстки натуральным налогом. 15 марта 1921 г. Соч., т. 43, с. 69].

Большие риски создавала инерция военного коммунизма, продолжить который было невозможно. Выше уже было сказано, что программы, возникнувшие в чрезвычайных условиях, после исчезновения породивших их условий

сами собой не распадаются – демобилизация населения, которое стало «военской общиной», всегда бывает сложной и болезненной операцией.

Ситуации в разных регионах были разными, и не всегда можно было определить критический порог, за которым НЭП действительно поощрял кулака, оставляя бедняков и даже рабочих без средств существования. Быстро произвести тонкую настройку было невозможно, – не хватало кадров и времени. Например, тяжёлое положение сложилось в топливной промышленности. К моменту введения НЭПа рабочие на трудных работах, получавшие пайки высшей категории, потребляли всего лишь 1200–1900 вместо 3000 калорий – необходимого минимума для такого труда (например, шахтёры Донбасса). В марте 1921 г. шахты перевели на хозрасчёт, добытый уголь теперь продавали на рынке (кроме обязательных поставок для железных дорог). А закупки угля частниками начинались в начале осени – шахтёров увольняли из-за отсутствия наличных денег. Рабочие лишились и зарплаты, и государственных поставок продовольствия. На шахтах начался голод, были случаи голодной смерти, и вне рыночные поставки продовольствия шахтёрам были возобновлены. Но это Донбасс, а во множестве уездов и волостей в глубинке коррекции в разделении тягот дошли лишь в 1922 г.

Здесь требуется небольшое отступление, чтобы прояснить сложность перехода от военного коммунизма к НЭПу – отмены продразвёрстки (т.е. пайков для рабочих) и замены её налогом, торговлей (для крестьян). Это типичный конфликт *ценностей*. В сфере общественных отношений это фундаментальная проблема, которую в социальной и политической философии пытаются разрешить, начиная с трудов Аристотеля.

Во время наших революций заниматься этой проблемой не было времени ни у интеллигенции, ни у политиков. Наверное, кто-то слышал о том, что во время Великой Французской революции конфликт между ценностями свободы и равенства разрешили посредством закона, определив: *равенство – в праве, а не в факте*. Тех, кто требовал *равенства факта*, послали на гильотину. Дискуссии в РКП(б) в философию Аристотеля и Руссо не погружались. А в 1921 г. разрешение конфликта ценностей пайка и торговли определяло судьбу проекта Октябрьской революции и советского строя.

Но сейчас надо к фактам Октябрьской революции приложить схему конфликта ценностей. Будет проще представить политическую и социальную проблему перехода к НЭПу. Государство должно следовать определённым *нравственным принципам* и в то же время оно должно быть *эффективно в управлении*, в решении задач, которые на него возлагаются. Для народа важно, чтобы руководство выполняло обе эти функции. Бывают нравственные правители, которые ничего не могут сделать и доводят страну и народ до катастрофы. В истории каждого государства есть моменты, когда правители ради эффективности на какое-то время идут против той нравственности, которую они исповедуют.

Сложность конфликта ценностей при осмыслении вариантов решений состоит в том, что приходится искать приемлемый баланс между *несоизмеримыми ценностями*. Поэтому возникают ситуации, в которых «не существует пристойного, честного и адекватного решения», и это не зависит от воли или наклонностей человека, принимающего решение. Очень часто даже в рамках одной культуры несоизмеримость ценностей двух субкультур (социальных групп) принимает характер антагонизма, так что нет возможности договориться и прийти к согласию. Возникают даже

гражданские войны на уничтожение носителей иных ценностей. В случае ситуации перехода к НЭПу возник конфликт двух социальных групп и, можно сказать, двух субкультур.

Английский философ Дж. Грей пишет: «Рационалистическая и универсалистская традиция либеральной политической философии, как и остальная часть проекта Просвещения, села на мель, столкнувшись с рифами плюрализма ценностей, утверждающего, что ценности, воплощённые в различных способах жизни и человеческой идентичности, и даже в пределах одного и того же способа жизни и идентичности, могут быть рационально несоизмеримыми...»

Несоизмеримость не свидетельствует о несовершенстве ни нашего миропонимания, ни мира, скорее она указывает на непоследовательность идеи совершенства... Несоизмеримыми могут стать блага, которые в принципе сочетаются друг с другом; такая ситуация означает, что эти блага не поддаются сочетанию каким-то наилучшим образом. Несоизмеримость может относиться к благам, которые в принципе не сочетаются друг с другом, или же к тем, что по своей природе не могут быть реализованы одновременно, в таком случае следует сделать вывод, что не существует их “правильной” иерархии.

Как бы то ни было, она означает ограничение рационального выбора и возможность радикального выбора – выбора, который не основан и не может быть основанным на разуме, но состоит в принятии решения или обязательства, не имеющего обоснования. В наибольшей мере понятие несоизмеримости применимо к благам, в принципе несовместимым друг с другом. Такая несоизмеримость может иметь место, если – в противоположность учению Аристотеля о гармонии добродетелей – одно благо или достоинство вытесняет другое» [Грей Дж. Поминки по Просвещению. М.: Праксис. 2003., с. 136, 142].

Эту проблему не удалось удовлетворительно решить ни в Российской империи, ни в последний период СССР. Как определили наши философы 1990-е годы в ходе реформ в России, все хорошо знают – эту проблему просто игнорировали. Так, например, ценность *свободы* ставилась неизмеримо выше ценности *равенства*, так что возобладал социал-дарвинизм. Ценность *экономической эффективности* ставилась неизмеримо выше ценности *социальной справедливости* и *безопасности*. Социальная справедливость как ограничение для социальной инженерии была отброшена, но вместе с этим рухнула и экономическая эффективность.

Дж. Грей писал, что политические доводы зависят от обстоятельств, они не могут быть доказанными, как теорема: «Политические рассуждения являются формой практического умозаключения, и ни один шаг в них логически не следует из другого; намёки на это можно найти ещё у Аристотеля. Политическое мышление обращается к концепции политической жизни как к сфере практических рассуждений, чья цель (*telos*) – это образ жизни (*modus vivendi*), а также к освящённой авторитетом Гоббса концепции политики, понимаемой как сфера стремления к гражданскому миру, а не к истине» [Грей Дж. Поминки по Просвещению. М.: Праксис. 2003, с. 150].

В нашем конкретном случае конфликт ценностей союзных общностей (сельских и промышленных рабочих и крестьян) активизировал сложную и тяжёлую угрозу – *красный бандитизм*. Здесь коротко укажем на него, а подробнее обсудим ниже. НЭП натолкнулся в Сибири на сопротивление со стороны значительной части населения, которая являлась опорой Советской власти: сельских коммунистов, чоновцев, сотрудников милиции и ВЧК, бедноты.

В отчёте Бийского горкома РКП(б) в апреле 1921 г. говорится: «Не отвыкшие ещё от партизанских методов борьбы и работы сибирские коммунисты, на которых поднималась вся глухая ненависть кулаков по поводу проведённой развёрстки, никак не могут освоиться со взятым в настоящее время курсом нашей партии на середняка и хозяйственного крестьянина. Они не могут понять того, что сейчас необходимо оказывать содействие в хозяйственном отношении тому кулаку, с которым они враждовали всю зиму, и у них ещё больше разгорается злоба, и они ещё с большим рвением принимаются за реквизиции и конфискации. Местами наблюдается явление, которое можно назвать коммунистическим бандитизмом» [Шушкин В.И. Красный бандитизм в Советской Сибири // Советская история: проблемы и уроки / Новосибирск: Издательство «Наука», Сибирское отделение, 1992.].

Это широкое явление здесь связано с НЭПом. Комиссия Сиббюро представила пленуму ЦК РКП(б) доклад об этой проблеме, где сказано: «С весны 1921 года в красный бандитизм начала вливаться новая струя недовольства политикой Советской власти, имеющая гораздо более глубокие политические и экономические основы. Тот слой деревенского населения, из которого вербуются красные бандиты, это либо беднота, либо элементы, разорённые Колчаком и отброшенные в ряды бедноты. До весны 1921 г. они экономически поддерживались государством и жили за счёт внутреннего перераспределения излишков продовольствия, остающихся после развёрстки; вместе с тем они были опорой Советской власти в деревне.

С отменой развёрстки они утратили экономический базис, почувствовали себя столь же обездоленными, как были при Колчаке, и почуяли, что новый курс неизбежно ведёт к усилению враждебных им элементов и понижает их собственное влияние. Эти обстоятельства всё более делают их из просто недовольных – резко политически враждебными Советской власти. Нового курса они не приемлют. На этой стадии красный бандитизм начинает принимать уже другие формы: вместо самочинной расправы с контрреволюционерами те же группы начинают активно срывать новую продполитику; продолжают производить внутреннее перераспределение, конфискуют и реквизируют те продукты, которые отдельными домохозяевами ведутся для целей товарообмена» [Шушкин В.И. Красный бандитизм в Советской Сибири // Советская история: проблемы и уроки / Новосибирск: Издательство «Наука», Сибирское отделение, 1992.].

Переход от военного коммунизма к НЭПу потребовал сложных решений для нахождения в разных условиях баланса между социальной справедливостью с эффективностью социальных форм. В главном самые острые проблемы удалось разрешить за два года. Советское руководство исходило из «практических политических умозаключений», а не из теоретических истин и групповых нравственных ценностей. В этом было кардинальное различие проектов Октябрьской и Февральской революций.

В разработке программы НЭПа найти верную меру между справедливостью и эффективностью было очень сложно. Критика «рабочей оппозиции» была понятной и опасной. Основанием для этой критики было то, что НЭП не только дал необходимую уступку крестьянству, но и стал наращивать уступки – за счёт *рабочего класса*. Уже летом 1921 г. Горький поддержал эту критику в беседе с гостем из Франции: «Пока что рабочие являются хозяевами, но они представляют лишь крошечное меньшинство в нашей стране (в лучшем случае – несколько миллионов). Крестьяне же – это целый легион. В борьбе,

которая с самого начала революции идёт между двумя классами, у крестьян все шансы выйти победителями... В течение четырёх лет численность городского пролетариата непрерывно сокращается... В конце концов огромная крестьянская волна поглотит всё... Крестьянин станет хозяином России, поскольку он представляет массу. И это будет ужасно для нашего будущего» (см. [Карр Э. История Советской России. Т. 2. М.: Прогресс. 1990., с. 627]).

Действительно, промышленность обязали передать запасы готовой продукции, чтобы стимулировать деревню торговать продовольствием. Введение действующих стихийно рыночных механизмов при острой нехватке сырья, оборудования и готовой продукции приводило к тому, что любое неравновесие начинало обостряться, порождая цепную реакцию кризиса. Промышленные предприятия, переведённые на хозрасчёт, столкнулись с отсутствием оборотных средств. Чтобы выплачивать рабочим зарплату, они были вынуждены срочно распродавать готовую продукцию, так что цены резко упали. 1 января 1921 г. аршин ситца стоил 4 фунта ржаной муки, а 1 мая 1,68 фунта. В мае 1922 г. хлопчатобумажная ткань продавалась по цене в два с лишним раза ниже себестоимости. Как говорили, начало НЭПа – время «диктатуры ржи и расточения нашего государственного промышленного капитала».

Малые и средние предприятия стали сдавать в аренду. В основном их арендовали кооперативы и рабочие артели, частных было намного менее половины (в основном это были прежние владельцы). В марте 1923 г. была проведена перепись предприятий. Выяснилось, что 84,5% всех промышленных рабочих были заняты на государственных предприятиях, которые давали в стоимостном выражении 92,4% продукции. На долю частных предприятий приходилось 4,9% продукции и на кооперативы – 2,7%.

Всеобщей тревогой в партии и государстве была нехватка средств для восстановления тяжёлой промышленности. На IV конгрессе Коминтерна Ленин сказал: «Положение тяжёлой промышленности представляет действительно очень тяжёлый вопрос для нашей отсталой страны, так как мы не могли рассчитывать на займы в богатых странах... Мы экономим на всём, даже на школах. Это должно быть, потому что мы знаем, что без спасения тяжёлой промышленности, без её восстановления мы не сможем построить никакой промышленности, а без неё мы вообще погибнем как самостоятельная страна...

Тяжёлая индустрия нуждается в государственных субсидиях. Если мы их не найдём, то мы, как цивилизованное государство, – я уже не говорю, как социалистическое, – погибли» [Ленин В.И. Пять лет российской революции и перспективы мировой революции. Соч., т. 45., с. 287, 288].

Эти тяжёлые конфликты интересов и ценностей между рабочими и крестьянами и между промышленностью и сельским хозяйством породили более фундаментальное противоречие в самой партии большевиков. Это противоречие в понимании главных смыслов революции. В острой форме оно проявилось в отношении НЭПа.

Во всех политических партиях, в том числе и в дореволюционной партии большевиков, в представлениях общества господствовал принцип *отношений классов*, оформленный в теории классов и классовой борьбы Маркса. Марксисты считали, что социалистическая революция установит *диктатуру пролетариата*, а до этого, при капитализме, будет существовать гражданское общество – арена холодной борьбы классов.

Маркс, развивая теорию классовой борьбы, сделал такой вывод в «Критике Готской программы» (1875): «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*» [Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 19, с. 27.]

Между ветеранами и социальной базой партии большевиков возникло расхождение в понятиях *государство* и *диктатура*. Ленин в разных формах объяснял марксистам-большевикам, что в реальности общество *гетерогенно*, оно состоит из разных общностей с их интересами и ценностями, и что в государстве *правящая партия* не может действовать согласно идеалам и интересам одного класса, что задача власти – разные общности соединить в союз. Актив партии воспринимал это с трудом, хотя различия интересов и ценностей были очевидны тогда (и видны сегодня).

Но в тот момент опровергать догму Маркса и его классовую теорию диктатуры пролетариата было невозможно – для многих эта догма была предметом веры. Теоретический вопрос породил политический конфликт.

В 1918 г. возникла и развивалась проблема, которую поставил Ленин в статье «Очередные задачи Советской власти», где он сформулировал эту проблему: «Революция, и именно в интересах социализма, требует *беспрекословного повиновения масс единой воле* руководителей трудового процесса». Историк Б.Н. Земцов пишет: «Со стороны одного из членов большевистского правительства – Председателя Высшего Совета народного хозяйства РСФСР Н. Осинского – последовало быстрое и резкое возражение: “Мы стоим на точке зрения строительства пролетарского социализма – классовым творчеством самих рабочих, ... мы исходим из доверия к классовому инстинкту, к классовой самодеятельности пролетариата. Иначе и невозможно его ставить. Если сам пролетариат не сумеет создать необходимые предпосылки для социалистической организации труда, – никто за него это не сделает и никто его к этому не принудит”...

В среде большевиков с дооктябрьским стажем это [заявление Ленина] вызвало сначала недоумение, а затем протест. Диктатура пролетариата воспринималась ими диктатурой по отношению к другим классам и социальным группам, по отношению же к самому пролетариату она представлялась системой самоуправления. Поэтому в 1919 г. вокруг Н. Осинского и его товарищей Т.Б. Сапронова, Б.М. Смирнова в РКП(б) сложилась группа “демократического централизма” (децисты). В декабре 1919 г. на VII съезде Советов РСФСР децисты получили большинство голосов по вопросу о советском строительстве, и съезд принимает их резолюцию, а не Ленина.

После Гражданской войны фракционная борьба разгорелась с новой силой. Помимо децистов, зимой 1920-1921 гг. в РКП(б) возникла группа “рабочая оппозиция”» [Земцов Б.Н. Дискуссия о сущности пролетарского государства в 1919-1923 гг. // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 2.]

Дискуссии между большинством ЦК и «рабочей оппозицией» не получили и обернулись фракционной борьбой. В 1922 г. возникла «рабочая группа», возглавляемая старыми большевиками-рабочими (Г.И. Мясниковым и др.).

Недовольство отходом от классового подхода возникло не только в РКП(б) – меньшевики и эсеры называли поддержку «отсталого мелкобуржуазного крестьянства», вместо рабочего класса, капитуляцией. И этот спор был

очень длительным и жёстким. М. Горький вспоминал «Апрельские тезисы»: «Когда в 17 году Ленин, приехав в Россию, опубликовал свои “тезисы”, я подумал, что этими тезисами он приносит всю ничтожную количественно, героическую качественно рать политически воспитанных рабочих и всю искренно революционную интеллигенцию в жертву русскому крестьянству». Горькому казалось, что «эта единственная в России активная сила будет брошена, как горсть соли, в пресное болото деревни и бесследно растворится, рассосётся в ней, ничего не изменив в духе, быте, в истории русского народа» [Горький М. Собр. Соч. Т. 17. М.: ГИХЛ. 1952. С. 25].

Казалось, что суждение Маркса в «Критике Готской программы» можно было принимать только как абстракцию, – даже примитивное общество долго не просуществует под диктатурой одной общности. Но пафос революции у некоторых сужает диапазон мышления. Ленин им писал: «Диктатуру пролетариата через его поголовную организацию осуществить нельзя. Ибо не только у нас, в одной из самых отсталых капиталистических стран, но и во всех других капиталистических странах пролетариат всё ещё так раздроблен, так принижен, так подкуплен кое-где (именно империализмом в отдельных странах), что поголовная организация пролетариата диктатуры его осуществить непосредственно не может. Диктатуру может осуществлять только тот авангард, который вобрал в себя революционную энергию класса» [Ленин В.И. О профессиональных союзах, о текущем моменте и об ошибке тов. Троцкого. Собр. соч., т. 42, с. 204.].

Процесс гармонизации идеологии с институтами государства (как НЭП) шёл в СССР постепенно, по множеству направлений образования и культуры, развития экономики и права. Каждое решение вызывало оппозицию и сложные дискуссии – до конца 1930-х годов.

Каждая такая проблема представляла новое и неизученное явление. О них шли дискуссии, и почти всегда первые подходы были *экспериментами*, многие методом проб и ошибок. Отладка НЭПа – ценный учебный материал. Часто каждая проблема требовала отменить прежние решения и резолюции, изменять правовые нормы. Изучали теории и практику царского правительства, привлекали старых специалистов. Так, в 1921 г. требовалось быстро создать финансовую систему для новой и малоизученной экономики, и в начале 1922 г. в правление Госбанка был назначен бывший финансист и промышленник Кутлер, министр при Витте и после 1905 г. кадет. Он сыграл важную роль в стабилизации валюты.

Но даже Ленин с большим трудом убедил и Съезд Советов, и XI съезд РКП(б) продолжить программу НЭПа. Уже результаты 1922 г. показали, что прогноз Ленина был верен: «реанимирующее влияние НЭПа распространилось на все области хозяйства».

Во время НЭПа доля экспорта в производстве зерна снизилась по сравнению с 1913 г. в 4,5 раза. Потом экспорт был ещё сокращен (в 1932 г. он составил всего 1,8 млн. т), а в 1934 г. вообще прекращён – лучше было продать, по крайней необходимости, яйца Фаберже.

В 1922 г. начали выпускать «червонцы», один был равен десяти золотых рублей. Эта устойчивая валюта вызвала большой оптимизм. Но и разные деньги, ходившие в обращении показывали, что экономика выздоравливала. По курсу 1921 г. сумма денег в обращении на 1 сентября 1921 г. была 3 500 млрд., на 1 января 1922 г. 17 500 млрд., на 1 мая 130 000 млрд., а в конце 1922 г. – почти 2 квадриллиона руб. Общий вывод был такой: хотя в перспективе НЭП

неминуемо должен был породить новые стрессы и неудовольствие, эти опасения затмевались общим чувством удовлетворения ростом благосостояния [Карр Э. История Советской России. Т. 2. М.: Прогресс. 1990, с. 677].

В системе права в период НЭПа начался поворот от борьбы с *классовым врагом* и отмена *классового подхода*. Сложные проблемы создали при строительстве институтов права представления о классах в сословном обществе в переходном состоянии. Важную роль в дискуссиях по юридическим вопросам занимала концепция «революционной законности», возникшая в 1921–1922 гг. Она была идеологической основой для перехода от «*революционного правосознания*» к нормальной правовой системе со стабильными юридическими гарантиями, без которых был невозможен НЭП.

Мы говорили о чрезвычайных проблемах, связанных с переходом к НЭПу, но важен и весь контекст этой огромной и стратегической программы. Без фона, на котором сложился образ НЭПа, трудно представить эту программу как большую систему.

Для осуществления НЭПа требовались: обобщение научных концепций модернизации, большие медицинские профилактические программы на обширных территориях, глубокие изменения в системе права и кодификация большого числа законов, создание совершенно новой пенитенциарной системы, «конструирование» комсомола как необычной политической организации «для крестьян», большая философская дискуссия в сфере культуры (преодоление «пролеткульта»). Каждая из этих программ означала проектирование совершенно новых структур и была крупной социально-инженерной разработкой, к которой привлекались все готовые к сотрудничеству научные силы страны. Объём работы, который выполняли тогда российские учёные, по нынешним меркам кажется совершенно невероятным.

Критическим условием для этого была срочная программа ликвидации безграмотности. Она была организована в обществе в состоянии голода и холода, разрухи и гражданской войны. Ко времени II Всероссийского съезда политпросветов (октябрь 1921) было обучено грамоте 4,8 миллионов человек. В Красной Армии число безграмотных было понижено до 5% (в царской армии процент неграмотности доходил до 65), а во флоте безграмотность была полностью ликвидирована. В стране было 88 534 пункта по ликвидации безграмотности, 427 различных губернских и 21 370 уездных курсов. Сама эта работа скрепляла общество.

Проектирование новой пенитенциарной системы – другой из множества примеров. Общее число лиц во всех местах заключения в СССР составило на 1 января 1925 г. 144 тыс. человек, на 1 января 1926 г. 149 тыс. и на 1 января 1927 г. 185 тыс. человек. И это после гражданской войны и всплеска бандитизма. (Для сравнения: в 1905 г. в тюрьмах России находилось 719 тыс. заключённых, а в 1906 г. 980 тыс.). До срока в середине 20-х годов условно освобождалось около 70% заключённых.

Во многом благодаря рационально разработанной комплексной программе советская власть за время НЭПа буквально изменила тип общества, ликвидировав «синдром бедняка», что привело к резкому увеличению продолжительности жизни, снижению детской смертности, искоренению массовых социальных болезней.

И.А. Гундаров пишет: «Отсутствие объективных оснований для значительного улучшения здоровья в 1921 г. заставляет предположить действие закона “духовно-демографической детерминации”. Действительно, уровень

преступности, подскочивший в 1914-1918 гг. в два раза, затем в начале 20-х годов снизился от этой величины в четыре раза. В последующие годы продолжалось поразительное улучшение духовного состояния общества. Если в 1922 г. коэффициент судимости по РСФСР составлял 2508 на 100000 жителей, то в 1927 г. он упал до 1080. Уменьшилось число психических заболеваний, что подтверждается сокращением в психиатрических больницах коечного фонда на 31% по сравнению с 1913 г. Годы НЭПа представляют собой удивительную картину резкого улучшения системы медико-оздоровительной помощи и здоровья населения» [Гундаров И.А. Пробуждение: пути преодоления демографической катастрофы в России. М.: Беловодье. 2001. С. 156-157].

Надо упомянуть и роль учёных в изучении проблемы алкоголизма, и программу по его преодолению, которая была частью НЭПа. Именно в начале XX века в России была заложена тяжёлая традиция семейного пьянства, которая обладала большой инерцией и которую с огромным трудом изживали в 20-30-е годы. В 1907 г. 43,7% учащихся школ в России регулярно потребляли спиртные напитки. Из пьющих мальчиков 68,3% распивали спиртное с родителями (отцом, матерью или обоими родителями)¹. С 1900 по 1910 г., как показали повторные обследования, доля числа школьников, которые потребляли спиртное, сильно увеличилась. В Петербурге доля школьников, которые употребляли водку и коньяк, за это время возросла с 22,7% до 41,5%. В 1911 г. в городе было 35,1 смертных случаев в расчёте на 100 тыс. жителей на почве алкогольного отравления (в 1923 г. таких случаев было только 1,7) [Шереги Ф.Э. Причины и социальные последствия пьянства // Социологические исследования. 1986, № 2.].

Программа преодоления бедности и присущих ей социальных болезней в 20-е годы привела к возникновению того *антропологического оптимизма*, который предопределил и успехи индустриализации, и массовую тягу к знаниям, и победу в Великой Отечественной войне, и быстрое восстановление после войны. А ведь советская власть тогда ещё не располагала для этого крупными материальными ресурсами, успех был достигнут благодаря всеобщему «молекулярному» участию населения в этой программе, ясностью и фундаментальностью поставленных целей и критериев, способу организации действий, созвучному культурным традициям народа.

В 1925 г. посевная площадь достигла довоенного уровня, сельское хозяйство стабилизировалась. С началом НЭПа в советской экономике вводилось *плановое* начало. Была начата разработка перспективного плана электрификации России (план ГОЭЛРО). В 1920 г. был одобрен VIII Всероссийским съездом Советов и через год утверждён IX Съездом. Это был первый перспективный план развития народного хозяйства, который получил практическое воплощение.

За всем этим работал новый духовный двигатель – массовая вера в знание, науку и движение вперёд. Для нашей молодёжи полезно было бы прочесть книги Андрея Платонова, хотя бы «Чевенгур», «Котлован» и «Ювенильное море». Пишут, что его мировоззрение сочетает в себе элементы коммунизма, христианства и экзистенциализма. Надо добавить – русский космизм. Но, кажется, его необычные тексты для многих раскрыли, как в волшебном зеркальце, образ состояния советских людей в 1920-е годы.

¹ В 1926 г. обследование 22617 деревенских детей показало, что в возрасте семи-восьми лет потребляли спиртное 61,2% мальчиков и 40,9% девочек.